

90986

В ЧАСЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДОСУГА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
И САТИРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ГАЗЕТЕ „ПРОЛЕТАРИЙ“

№ 12.

Воскресенье, 22-го октября 1922 г.

№ 12.

А. К. Глазунов.

(К 40-летию композиторской деятельности).

Мих. Савонс.

Николай Борисов.

П о в о л ж ь е.

(Из недавнего прошлого).

Когда за избами закат кроваво-красен,
Как рана, в помертвевших небесах,
В косматых сумерках Кошечем страшных басен
По тихим селам бродит жуткий Страх.

Молчат поля вокруг, соскучившись по житю...
Как стон, как крик, пугает каждый звук,—
Никак не различишь—то шелест ли ракиты
Иль хрип предсмертный неизбывных мук.

Здесь некому кричать... О, разве с того света
Живому мертвецы пошлют укор...
Но пыльные молчат в сухой траве скелеты,
Где пир был с вороньем собачих свор...

Кто не успел уйти, того белеют кости;
Нет ни души в окрестных деревнях...
И в сумерках немых, как на большом погосте
Здесь бродит Страх...

В дворце Воронцовском

(Одесса 1918 г.).

По лестницам дворца плывет туманный дым...
На ступенях матрос, отдавши сон ногам,
Пугает улицы, зажав на шее рану.
Так в красный год, убив ancien regime ¹⁾,

По лестницам дворца скитался пилигрим.
Изорван плащ, крест брошен океану—
Лицо как смерть, глаза фата—моргана...
Голландец свой корвет застопил в Новый Рим...

По лестницам дворца застыли группы стали
Матросов и солдат... О битвах в дальнем зале
Рабочие поют... Красногвардейцев взвод

По улицам ведут гвардейца, офицера...
Зигзаги выстрелов встречают красный год...
По лестнице восходит славы эра...

¹⁾ Старый режим.

Николай Борисов.

Д а е ш ь !

В красном углу под шеренгой святых и громадной лампадкой за столом, на котором небрежно лежали карта, полевая книжка и компас, устало опершись руками в стол, сидел комиссар.

Австрийский стейер лежал на лавке... За окном раздавалось ленивое гав—у... гав—у... на луну...

Га у... га-у-у-у...

Было тоскливо, нудно. Хозяйка с двумя детьми ждала на лежанке, укрывшись лоскутным одеялом.

На печке нарисованы желтые и зеленые одуванчики и громадный подсолнух... Комиссар стучал пальцами по стейеру и смотрел на печку, на торчавшие грязные ноги из под лоскутника...

Думал...

Под землей все ясно. Тут тебе жила и все... Теперь войи с офицером... Ученые и шахтер... Штука... Полохой...

Алексей Друянов, шахтер из Бахмута, носил кожаную куртку. Твердые мускулы лица—камень...

А камень выдавил презрительную складку у рта... Комиссара всюду ожидала измена, и он ее чувствовал... Особенно ночью... Сейчас ночь...

Черное небо и в нем выщербленный гранатой, избороденный снарядом, серп месяца...

Встал и вышел на крыльцо.

Желто-красный зев двери в ночь, и вот в ней слышат камня... Постоял... Лай собаки полосу тишину, а там впереди через плетень оспавшее небо ли-зали языки костров.

— Шушукаются, поди... Комроты к белым глядят Да... Ну!.. и Друянов четким шагом, штемпеюя землю пошел...

Каждый шаг его и других коммунистов штемпе-люют землю кровью из своих ран, и от этого еще ярче... серп и молот... Других шагов нет...

Упорные каменные шаги были Друянова... Из отряда у него осталось что-то вроде батальона, да и то сильно испорченного добавкой махновцев и бело-гвардейцев...

— Переварить надо!.. сказали ему в подиве.

— Ну и вари!.. Сыпь на фронт!.. Некогда...

— Тут и перевари их, когда все политруки давно партбилеты порвали...

Белогвардейцы так слились с красноармейцами, не узнаешь, только махновцы такие же партизанисты.

— Сволота... определил их Друянов...

Шел Друянов по улице деревушки, и отовсюду неся хрип усталых людей... За деревушкой у костров сидели группы, черные с красным, красноармейцы. Камнем прислонясь к последнему плетню, слушал Друянов разговор:

— Один чорт... перекинуться надо, а то те вот берут.

— Да, лататы наши залают...

— Звездастый чертком мешает...

— А Вы его в Киев... в Киев... отправить и все...

— У нас у полку Лейбгвардии Преображенском за ихнего брата премия... Представить красную ф-ражку, ну значит и насыпят романовских.

Лизало пламя черное небо...

Прошел камень комиссар, ни слова, только еще тверже обозначились скулы... Идет и каждый шаг...

Чеканит...

Гербы Эрэсэфасара,

Гербы...

Прошел мимо костров, а за ним смотрели бессонные глаза переметчиков... и в их глазах читалось:

Слышал или нет...

— Вари вот?!.. сволота!.. Летчиков могила исправит... А ты вари?..

И от дум чуть не лопались зубы, от непомерного давления скул, а стейер скрипел под пальцами...

Вышел вперед, костры остались позади, а впереди тоже костры белых, победителей прошедшего дня.

— Несмолоченные снопы жгут... Черти... что!!

Первая мысль неповоротливо пробилась сквозь кельючую изгородь мыслей о переметчиках, об изменах вокруг, об убийствах комиссаров и коммунистов...

И камень остановился, смотря вперед на огни костров врага...

В последние дни, после неудачных боевых дел, он остерегался своего отряда и давал ему отдыхать да и сам вынашивал мысль, тяжелую мысль сварки неоднородного состава отряда.

— При победе хорошо варятся, а при... и задумался... и чуть не лопались зубы от давления скул...

Долго стоял и смотрел на костры противника... шел обратно, и еще решительнее были его шаги...

Будил красноармейца для связи, спавшего в сене на дворе.

Растолкал... И тот заспанный смотрел на комиссара и ничего не понимал.

— Комбата!.. Комбата ко мне!..

Красноармеец для связи, наконец, понял, посмотрел на ямку в сене и пошел за комбатом.

Комбат, бывший гвардейский офицер, давно потерял внешний лоск, оброс бородкой, носил клетчатые штаны и рубашку, перетянутые ремнем, а за ремнем парабеллум на животе, на голове мятый картуз... Всегда спокойный, курил трубку и принимал порошки морфия. Высокий... тяжело ступал закованными ногами в высокие английские шнуровые сапоги...

— Ну с... в чем дело?.. сказал он, садясь тяжело на лавку.

Друянов ему доверял, хотя вот сейчас в голове бродила неуверенная мысль о том, что комбат предатель... Тоже, ведь, офицер...

— Дело!.. В атаку надо!.. Вот что!?

— Атака хорошо... А положение знаешь?.. Чем дышат они, знаешь?.. и затаился из трубки... Гремидные кольца поплыли в воздухе...

— Сволота!.. сказал комиссар.

— Трудно поднять...

— Строй комбат...

— Пострею, ты того гляди... подымут на штык...

— Увидим... А как ты думаешь, какими дорганг лучше... и оба углубились в план...

Ругань подымалась до обиженного гранатой месяца... Склоняли комиссара, но все же подымались и выходили строиться хмурые, злобные, стучали прикладами в землю.

— Измывается!

— Погоды!.. Кончится лафа!..

— Покажем!..

Выстроились, и гудел отряд злобной, недовольной руганью. Некоторые заряжали винтовки... У некоторых ротных, бывших офицеров, бегала на губах чуть заметная усмешка, а глаза отыскивали начальство... Друянова боялись, боялись его вечно сжатых челюстей...

Комбат, посасывая свою трубку, заложив руки в карманы, прохаживался...

Команда срастила тела в общую массу. Не было ни общей воли, ни желания. Теперь не билось одно сердце, а сотни враждебных, неприязненных...

— Все один кулак!.. говорил Друянов. Без выстрела... пять останутся поддерживать костры. Кто отстанет—убью!..

Луна хромала на небе и, услышав речь, зацепилась за высокое дерево, бросая блики на массу.

Шел мимо рядов красноармейцев Друянов и чувствовал разнотой сердец...

Остановился у вихрястого бывшего махновца и преценил сквозь зубы:

— Смотри, не грабь!.. Сволота!

Махновец отскочил назад, ляснула в руках винтовка, звякнули патроны, и винтовка уперлась штыком в кожаную куртку.

Среди тишины зловеще звякнул затвор...

Замерло все...

Друянов не шевельнулся... Не зачем шевелиться... Дернул махновец за спусковой крючок,—осечка... Не смазал затвор, где же выстрелить, когда грязь пуд...

Мгновение...

Друянов вырвал рукой винтовку у махновца, другой выдернул его из рядов...

И оба они приковали взгляды всех к себе. Нога вросла в землю...

— Ты, сволота, стань в строй, не до тебя теперь... А вы знайте за неисправность винтовки—смерть! Му! Даешь, Орехов! крикнул комиссар... И, казалось, земля вздохнула.

— Даешь!..

— Туда их мать!..

— Не сдавай робя!..

— Даешь!..

Перестроил отряд Комбат, и отряд потонул во мраке ночи вместе с комиссаром. Повернули на боковую тропинку, и костры остались справа и снова жадно целовали черное небо пламенем.

Твердо шли вперед, и в груди отряда билось одно сердце, одно желание, одна воля...

И каждый шаг чеканил землю гербом Советов... Серп и Молот...

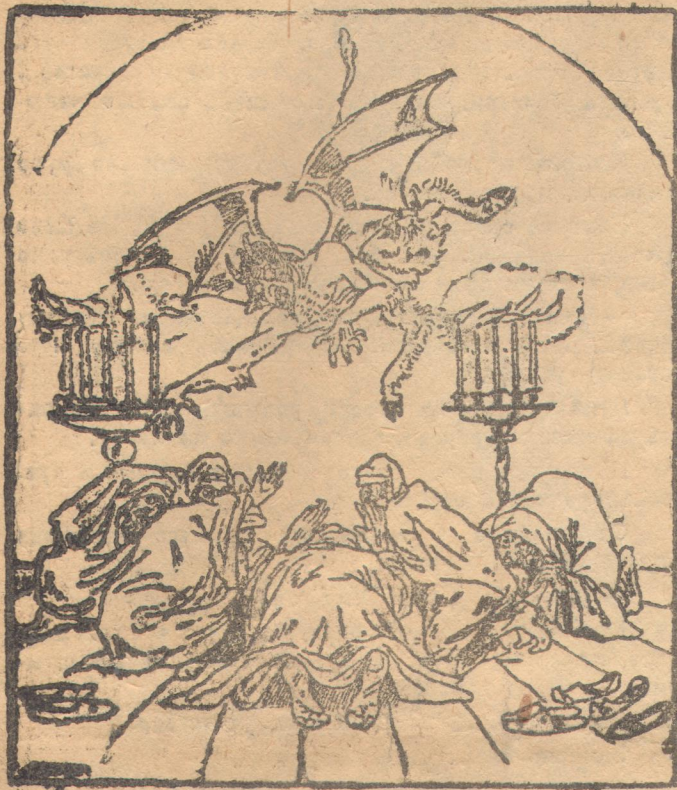
Д. Кр. Арм. Южфронта,

октябрь 1920 г.

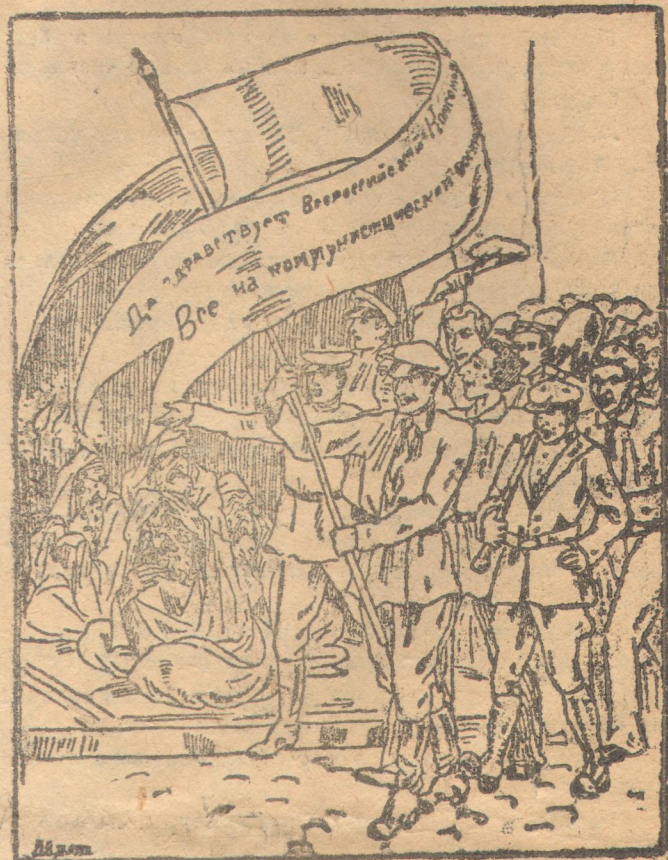

Прежде и теперь

По еврейскому преданию, в Судный день является чорт-хапун и похищает самого грешного из молящихся.

РАНЫШЕ БЫЛ ОДИН ХАПУН...

...А ТЕПЕРЬ ИХ ЦЕЛАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ!...

„БОГ ПОДАСТ...“

ДЕТЯКОВСКИЕ ПОПРОШАЙКИ: Веряте нам то, что мы потеряли!...

САМОЛИКВИДАЦИЯ ВРАНГЕЛЕВСКОГО ПАРЛАМЕНТА

— Ваше превосходительство, у трех четвертей из нас истекают полномочия! Как прикажете поступить? Как произвести перевыборы?

— В виду болезненности операции выборов не проводить и считать деятельность парламента законченной.

Американское правительство относится отрицательно к вопросу о предоставл. союзникам новых займов. (Из газ.)

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВЕНИЕ ПЬЯНСТВА,

НИЧТО НЕ ВЕЧНО

ПОД ЛУНОЮ.

ЛЛОЙД-
ДЖОРДЖ

Положение Ллойд-Джорджа пошатнулось.

Америна. Проходи, проходи, эх навалило,

ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ.

Ген. Дитерихс в Николаеве призвал в армию всех учителей и учащихся.

СТРОВОЕ УЧЕНИЕ.

Монахами мобилизованы все харьковские ~~католики~~ (преимуществ. торговки), как надежн. охрана. (Преп. № 237)

— КРУ—У—У—Ген.

Александр Константинович Глазунов.

(К 40-летию композиторской деятельности).

Сорок лет назад—это славная страничка в жизни русской музыки. Пышный расцвет того направления, которое в свое время названо было „новой русской школой“, а группа музыкантов, составлявших эту школу, окрещена была „могучей кучкой“. Их было пять—Балакирев, Бородин, Мусоргский, Кюи и Римский-Корсаков. Они воспитывались на заветах Глинки, подобно ему они черпали материал для своего творчества из народа, как Глинка, они любили русский народ, прислушивались к его песням и сказкам, приглядывались к его жизни и стремились выразить душу и мечты русского народа. Их целью было создание *народного* русского искусства. Это сделало их новаторами и революционерами в музыке. Да, в свое время это были подлинные новаторы и революционеры. Они объявили войну традициям, рутине, искали новых путей, находили их, кто больше, кто меньше, шли твердо, неуклонно, ничем не смущаясь, окруженные нередко равнодушием, непониманием, часто под градом насмешек и издевательств. Это были искатели. Для русской музыки, начиная с Глинки, характерно следующее: и сам Глинка и ближайшие его товарищи—Даргомыжский и Серов—главной своей задачей считали создание русской оперы. Ту же исключительную любовь к опере мы видим и у членов „могучей кучки“, причем у них опера приобретает уже значение *музыкальной драмы* (Мусоргский) и *музыкально-сценического действия* (Римский-Корсаков).

И вот, в то самое время, когда пути „новой русской школы“ определились вполне, когда искания ее превращались уже в достижения, среди членов могучей кучки появляется новое лицо. К Римскому-Корсакову приходит Саша Глазунов, маленький реалист. Римский-Корсаков поражен его талантливостью и начинает с ним заниматься и руководить его композиторским образованием. Немного времени прошло, и в один прекрасный день четырнадцатилетний Саша Глазунов вступает полноправным членом в музыкальный мир: исполняется его первая симфония. Слушатели поражены зрелостью произведения, мастерством и талантливостью, и еще больше их изумление, когда на вызовы и апплодисменты на эстраду выходит юный реалист. Такого сорок лет тому назад было начало композиторской деятельности Александра Константиновича Глазунова.

Вскоре после этого между Римским-Корсаковым и Глазуновым отношения учителя к ученику сменяются товарищескими и дружескими.—Глазунов сделался равноправным членом „могучей кучки“. Впоследствии к ним присоединился еще Лядов. В настоящее время Глазунов является последним представителем могучей кучки—все остальные уже умерли.

Если члены могучей кучки были искателями, то Глазунов уже не представляется искателем. Мятельный дух искательства у него отсутствует—вместо этого чувствуется спокойная и ясная уверенность, сознание силы, стоящей на прочной почве добытых достижений. Эта сила и уверенность позволяют ему отступать в сторону от пути своих товарищей, не вперед, не назад, а именно *в сторону*. Этим-то движением в сторону Глазунов существенно разнится от старших членов могучей кучки. Собственно уже первая его симфония есть намек на будущее движение в сторону; в ней мало характерно „кучкинского“, чисто русский склад то и дело прерывается страницами внационального характера. Творчество Глазунова претерпевает изменения. Период после первой симфонии характеризуется тенденцией народности—он сочиняет симф. картину „Кремль“, „Стеньку Разина“ и др., где очень добросовестно и чрезвычайно искусно разрабатывает народные русские и восточные мотивы. В этот, именно, период ему пришлось вместе с Римским-Корсаковым закончить оперу „Князь Игорь“ Бородина после кончины последнего. Не мудрено, что в творчестве Глазунова сказалось влияние мощного истинно-богатырского Бородина. Сказалось и влияние его учителя Римского-Корсакова. От первого—он воспринял мощность и силу, от второго—бесконечное изящество и изумительную четкость.

Постепенно Глазунов идет *в сторону*. Народные и национальные тенденции отходят на второй план и уступают место музыкальному мышлению общечеловеческого характера. Член „могучей кучки“ превращается в мирового музыкального мыслителя, выразителя общечеловеческих чувств и стремлений. Тут мы видим у него величавое спокойствие, чувство силы, глубину и здоровый пафос, нередко блестя-

щую, остроумную шутку, взрывы бодрого веселья. А что всего поразительнее—грусть, скорбные думы, как-бы ни были они глубокими, никогда не отзываются отчаянием, всегда есть выход на свет и солнце! Глазунов—оптимист, спокойный, жизнерадостный. Эта ясность, эта спокойная сила, которую ничто как будто не может сокрушить, как это ценно! А его уверенность.... Спокойная, ясная мудрость, уверенность в своей силе—этим, кажется, лучше всего можно охарактеризовать Глазунова, как художника.

Еще одна особенность Глазунова: в противоположность прочим членам „могучей кучки“ он *ни разу* не принимался за оперу, в числе огромного количества его сочинений нет *ни одной* оперы. Зато он с чрезвычайной любовью относился и относится к другому роду музыкально-сценических произведений—к балету. Вероятно, потому, что танец, как ритм, как форма, особенно им чувствуется, танец, как ликование тела, как пафос жеста и движений.

Среди многочисленных произведений Глазунова, прежде всего, выдаются его *восемь* симфоний (говорят, им написана уже и девятая), преимущественно, последние пять. Затем балеты: Раймонда, Времена года (с знаменитой вакханалией), Барышня-крестьянка и др. Музыка к трагедии К. Романова „Царь Иудейский“, сюита „Средние века“. Кроме того, большое количество камерных произведений—квартеты, квинтет и т. п., сочинения для отдельных инструментов, концерты (скрипичные, фортепианные) и т. д., всего не перечислять. Замечательно, что для пения им написано крайне ограниченное количество вещей; он—инструментальный композитор по преимуществу. Сюда же надо прибавить и работу Глазунова по окончанию оперы Бородина „Князь Игорь“.

Глазунов много поработал и на педагогическом поприще в качестве профессора свободного сочинения и дирижера петербургской консерватории. Прекрасный человек, чрезвычайно отзывчивый, огромный художник, мудрый мыслитель, Глазунов сейчас, после сорока лет деятельности, остается образцом подлинного величия истинно-артистической души, несокрушимой в своей уверенности и силе, с ничем не затмеваемой ясностью, с ничем не омрачаемой жизнерадостностью.

Б. Яновский.

Константин Клягин.

Осенью.

Бежит по тротуару бурый лист,
На проводах визжит колючий свист,
В припрыжку скажут с гиком во весь дух
Милльоны водяных, холодных мух,
Некстати выползла кривая просишь,—
Грязь. Осень.

Слякучивый день гнусавит и бренчит,
По закоулкам стариком ворчит,
Сметает в кучу ветер дряблый сор,
Плечом ломает старенький забор,
Дерев хрустят со стоном веера,—
Знать, пора.

Обуглила весь город тихо мгла,
На крыши шалю черною легла,
Из дыр торчат огненные рога,
Стучится призраком по стеклам мгла,
А вечер за собою тащит муть,
Страх, жуть.

Бегут часы за тридцать земель,
Вертится над землею карусель,
Скользят по жиже песни сна с тоской,
Пробило восемь в башне городской,
И повзрослела улица все восемь,—
Темь. С...ль.

Григорий Петников.

Тучелетье

Смотри, как бьются две стези
С краев педучей половины,
И надвигаются грозы
Совсем уже густые сини.

О, в этих сжатых бурях
Медлительная тайна тиши,
Которая еще едва,
Но явственно дождями дышит.

Или свергая смутных гряд
Сверкающее велеленье,
Над голубую идет смотря,
Как молний молодень ослепнет.

И слышно: ветер в сенях
Шурша сбегал коньками кровель
И воробьиная—в огнях
Объята темною суровой

А там светясь и жалую
По долу дивиною,
Метнется озорь шалая,
Блажа сплошной стеной.

И вот уже над избами
Сиятельная сень,
А впереди нависла,
Насупилась стена.

Не ты ли тучелетьями
Осумерком покрыт,
Что ты грозишься, встречаешься
Дождями пасть навзрыд.

Или грываясь лавою
В знакомый сумрак жнив,
Кураясь зарыться пламенек
В повею буйных грив.

„Добровольное членство“.

Картинки с натуры.

1.

В статотдел Союза входит элегантно одетая женщина.

— Скажите, здесь помещается Союз?

— Здесь.

— А можно вступить к вам членом?

— А какой Союз Вам нужен?

— Да мне все равно, какойнибудь.....

— ?!

— Видите-ли, мне очень нужно записаться в Союз, иначе.....

— Да где Вы служите?

— Нигде.

— Так сначала запишитесь на Биржу Труда, а когда поступите на должность, сможете записаться в Союз по специальности.

— Да мне должность не нужна, и специальности то у меня никакой нет. А я бы платила вам всякие взносы, какие только потребуете.

— Но зачем же Вам записываться в Союз, если Вы не работаете и не ищете работы?

— Я бы не записывалась, но дом, где я живу занят рабочими, и они выселяют всех, кто не состоит в Профсоюзе. Работа мне не нужна, но вот из квартиры гонят.. будьте добры, примите меня в Ваш Союз. Я буду платить все, что полагается.....

Находчивой даме, однако, указывают на дверь.

— Скажите, товарищ, к Вашему Союзу относятся няни?

— К нашему.

— А можно записать к вам мою няню? Мне нужно записать ее в Союз.

— Да причем же Вы тут? Пусть придет сама, если она хочет вступить в Союз, мы ее и примем.

— В том то и дело, что она сама не хочет. Старая она, куда мне, говорит, в Союз. И без Союза доживу свой век“.

— Так чего ради Вы хлопочете? Если она сама не хочет идти в Союз, зачем же мы ее принимать будем? Нам типовых членов не нужно.

— Но мне необходимо записать ее в Союз. Нужно прописать ее в адресном столе, а ЦЖО выдаст ордера исключительно членам Профсоюзов. Из-за того, что няня не прописана, меня милиция штрафует.....

— Товарищ! как бы это зачислить мою прислугу в ваш Союз?

— А кому это нужно? Вам или ей?

— Ну, скажем, ей!

— Гм... В таком случае укажите ей адрес Союза: Дворец Труда, квартира №... Пусть придет. Потолкуем с ней, а там увидим.

— Да она Вашего союза не найдет. Деревенская девушка. Ничего здесь не знает. Уж лучше я приду сам и проделаю всю эту церемонию с зачислением ее в Союз. Мне необходимо завтра же все это закончить.

— Да в чем дело? Какое отношение Вы имеете к вступлению Вашей прислуги в Союз? Ведь это ее личное дело.

— В том то и дело, что меня это непосредственно затрагивает. Наш дом, видите ли, взял Текстиль и завел там такую музыку с уплотнением и выселением, что хоть слятых вон выноси. И мою Настю тоже хотят выселить из ее комнаты. Куда ж я ее дену? К себе помешу?

Принцип добровольного членства нашел себе, как видите, лютых толкователей и последователей.

А Г.

ПО БЕЛУ СВЕТУ.

Статистика преступлений в Америке.

На с'езде американских судей в Сан-Франциско было установлено, что по пропорциональному количеству преступлений Америка оставляет за собой все другие страны. В 1921 году в Соединенных Штатах имели место 9500 случаев убийств. Вообще же, в последнем десятилетии ни один год не давал меньше 8500 убийств. Большое количество убийств объясняется, между прочим, тем, что в Америке, сравнительно, легко добыть разрешение на ношение огнестрельного оружия. 90 проц. всех убийств совершаются револьверами. В течение последнего десятилетия кражи со взломом возросли на 1200 проц., при чем взломщики сильно вооружены.

Такое положение в наиболее капиталистически развитой и чуть ли не „самой демократической“ стране является лучшим показателем все увеличивающейся и нагнетающей эксплуатации, увеличивающейся безработицы, обнищания и безвыходного падения широких масс.

Как буржуазия „разоружается“.

В Америке имеются большие заводы, приспособленные к приготовлению ядовитых газов. Среди этих газов особенно выделяется фосген, хлоропикрин и люизит. Первый из них быстрее других газов приводит к смерти от удушья. Этот газ распространяется очень легко в воздухе и употребляется для метания в бомбах с аэропланов. Ветер его подхватывает и разгоняет на большие расстояния, где все задыхается.

Хлоропикрин вызывает сильную рвоту. Жертвы остаются беспомощными, пока не придет враг и не убьет их. Люизит сжигает все на своем пути. Благодаря своей тяжести, он может быть разлит над городами. Несколько больших аэропланов с такими бомбами могли бы легко уничтожить большие города и целые области.

Люизит изобретен Ньюлансоном в католическом университете в Вашингтоне, и употребление его усовершенствовано Люисом в северо-западном университете. Люизит проникает через любую маску, внедряется в мясо, пробирается в легкие, так что жертва сгорает снаружи и внутри.

Величайший в мире маяк.

Как известно, самый сильный из существующих морских маяков находится у входа в Нью-Йоркскую гавань с силой света в 60 миллионов свеч. В ближайшее время этот маяк должен будет уступить первенство новому маяку для целей воздухоплавания, устанавливаемому на высоте 600 метров на Монт-Африк, близ Дижона (Франция). До сего времени для облегчения ночных полетов употреблялись маяки с радиусом действия до 60 верст и силой света до 30 миллионов свеч.

Как показала практика, для аэропланов подобные маяки недостаточны, и на новом маяке сила света будет доведена до одного миллиарда свеч.

Свет этого „сверхмаяка“ можно будет различать на расстоянии 160 верст, а в ясную погоду и на очень значительной высоте, даже на 400 верст.

Поповская забастовка.

В одном селе на Украине забастовал священник, требующий от прихода увеличения доходов.

1.
Да-с, попили моей кровушки!
Нет ни гуся, ни коровушки!
На столе пустой график—
Скроюсь, аки зверь, в овин!

2.
Там сложу на грудь я ручки,
Буду ждать салца и мучки,
К небесам пошлю запрос;
Жду монет и папирос!!

3.
Чтоб скорее подвезло—
Всем святителям на-зло
Прекращу в молитвах преть—
„Варшавлику“ стану петь!

4.
Южбюро утру я нос,
Задохнется Всеиспрос:
Как тряхну я камилавкой,
Закачу тариф с надбавкой!

5.
Я ведь тоже важный спец—
Подтвердит господь—отец,
Посему—хоть рад—не—рад,—
Дай 17-й разряд!

6.
А пока сложивши ручки,
Жду в овине белой мучки!
К небесам пошлю запрос,
Трахну рапорт в Всеиспрос!!!

Николай Сяганов.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

В КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ ГОСИЗДАТА УКРАИНЫ

ул. 1-го Мая (б. Московская) № 21;
ул. К. Либкехта (б. Сумская) № 7;
ул. Свердлова (б. Екатеринославская)
№ 34, пл. Тевелева (б. Никол.) № 14
и пл. Розы Люксембург (б. Павловская) № 11.

ПОСЛЕДНИЕ НОВИШКИ ПЕЧАТИ:

Вера Фигнер Запечатл. Труд ч. II.
Шевченко Запретный Ковчег.
Маяковский 13 лет работы.
„Нольдо“ Нов. Моск. литерат. Альманах.
„Возрождения“ Нов. Моск. литерат. Альманах.
Э. Бьернсон Тираас (ром. перевод с англ.).
А. Ган Конструктивизм.
А. Блон доли. сообр. отахотвор. т. I и II 22 г.
Маркс и Энгельс Детский Труд.

В. Г. Короленко История моего современника т. III.
Майоров Из истории революц. борьбы на Украине „История Революции“ сборник испарта Ц. К. К. II. (6) У. № 1.
„О голоде“ Извещ. иллюстр. сборник статей под ред. проф. Георгиевского, д-ра Когана и проф. Палладина.
К. Тимирязев Дарвин и его учение.

ОПТОВЫЕ ЗАКАЗЫ ПРИНИМАЕТ
торговый отдел, Соборный пер. № 2, тел. 15-82.

УЧРЕЖДЕНИЯМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ **СКИДКА.**

ОБЪЯВЛЕНИЯ

для воскресного приложения к газете

„ПРОЛЕТАРИЙ“

В часы о о о о ДОСУГА

принимаются до четверга, в 12 часов дня.

Цена за строку конпарели 100 р. д. 31. 1922 г.

КАБИНЕТ

для научных занятий

при

Губ. Пар. Библиот.-Читальн

Московская, 30,
клуб „Коммунист“.

открыт ежедневно от 10-4 и 6-10 веч.

Пользоваться кабинетом могут все члены ком. парт. Работавшие в кабинете могут получать все книги-библиотеки.

ХАРЬКОВСКОЕ КООПЕРАТИВНОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРОЛЕТАРИЙ“

приступило к своей работе.

ОТКРЫТА подписка на два товарищества.

Стоимость каждого пая определена в 500 рублей в ден. зн. 1922 г.

Подписка принимается в агитпропе Губкома, в агитпропах Райпаркомов, в Культотделах всех профсоюзов и в Центральном книжном магазине кооператив. издательства „ПРОЛЕТАРИЙ“—Харьков, Московская, № 13.

Членами Харьковского кооперативного издательства „Пролетарий“ могут состоять все рабочие, красноармейцы, крестьяне, коммунисты и беспартийные, а также советские, партийные, профессиональные, кооперативные учреждения и организации.

МОЖНО ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ КОНТОРУ ОБЪЯВЛЕНИЙ

„УКРАИНОНОС“

Ул. Н. Либкехта (б. Сумская), № 11

Телефон № 13-20

Объявления, ометы, подбор соответствующих изданий, всякого рода справки составляются БЕСПЛАТНО.

Для личных переговоров и составления смет и объявлений просят приглашать представителей конторы.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

помещать объявления

В ЛИБЕУЮ ГАЗЕТУ

ИЛИ ЖУРНАЛ ФЕДЕРАЦИИ

Отдельно от газеты „ПРОЛЕТАРИЙ“ не продается.

Типография ВУЦИК'а, улица Карла Либкехта № 13.